

С.С. Винокуров

к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ 2024 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Нобелевская премия 2024 г. была присуждена Д. Аджемоглу, С. Джонсону и Дж. Робинсону и стала первой премией с 1993 г., которая содержит упоминание институтов в своем обосновании. В статье обсуждаются развитие исследования связи институтов и экономического развития за прошедшие десятилетия, вклад лауреатов, связь с разработанной Аджемоглу теорией направленных технологических изменений, проблемы и дальнейшие перспективы институциональной теории экономического развития. Основной прогресс был связан с применением теории игр к анализу институтов, а также использованием эконометрических и других методов для тестирования теоретических гипотез. В результате произошли существенные изменения в направлении большей формализации и строгости институционального анализа. Аджемоглу, Джонсон и Робинсон стали одними из символов этих изменений, и ряд их работ можно назвать классическими в этом отношении. Среди прочего, они предложили теоретико-игровую модель формирования и изменения политических институтов и использовали метод инструментальных переменных для демонстрации того, что институты выступают причиной развития, а не наоборот. Аджемоглу и соавторов нередко обвиняют в пренебрежении культурой, идеологией, процессом создания и распространения изобретений и в стремлении представить институты единственным фактором, определяющим все аспекты экономического развития. Хотя анализ их работ рисует более сложную картину, нельзя сказать, что эта критика лишена оснований. В работе показано, что теория направленных технологических изменений ведёт к выводу, что прогресс можно и нужно направлять в выгодное обществу русло. А значит, только от политических институтов зависит, можно ли это сделать. Причина такого взгляда лежит в общей установке институциональной теории развития на процессы макроуровня и длительную перспективу. В преодолении этой установки и поиске микрооснований институциональной динамики и её связи с техническим прогрессом состоит основной вызов, стоящий перед этим направлением исследований.

Ключевые слова: *институты, экономическое развитие, политические режимы, направленные технологические изменения, Аджемоглу, нобелевская премия.*

JEL: B15, D02, O43

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_185_196

© С.С. Винокуров, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Винокуров С.С. Нобелевская премия по экономике 2024 г. и перспективы институциональной экономики // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 185–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_185_196.*

FOR CITATION: *Vinokurov S. Nobel Prize in Economics 2024 and Prospects for Institutional Economics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 185–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_185_196.*

Введение

Премию памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам в 2024 г. получили Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон за «изучение того, как создаются институты и как они влияют на благосостояние»¹. Это первая премия с 1993 г., — когда ее получили Д. Норт и Р. Фогель, — которая в своём обосновании содержит упоминание институтов². Это хороший повод для того, чтобы попытаться оценить, какой путь прошло исследование связи институтов и благосостояния за последние тридцать лет, и какие перспективы открываются перед институционализмом.

В 1990-х годах В. Леонтьев сетовал на то, что в институциональном направлении нет крупных прорывов, в особенности отсутствуют исследования влияния новых технологий на институты [Самуэльсон, 2016]. Можно ли сказать, что за десятилетия исследователями институтов был сделан прорыв в понимании того, как работает экономика? Или же мы ограничиваемся прежней констатацией, что институты имеют значение и что «хорошие» институты позволяют экономике развиваться более динамично, а обществу — приблизиться к эгалитарному распределению плодов прогресса?

На мой взгляд, основной прогресс был достигнут в направлении формализации и большей строгости институционального анализа, и работы нынешних лауреатов можно назвать в этом отношении классическими. Во-первых, институциональное равновесие стали представлять в виде игры в явном виде, с привлечением к анализу всего соответствующего инструментария. Во-вторых, стали широко применяться эконометрические методы для тестирования гипотез. Выводы стали менее интуитивными, а конкурирующие гипотезы — регулярно проверяемыми. Институциональная экономика стала гораздо более «продвинутой» и смогла перейти от интерпретации экономической истории к анализу современных политико-экономических процессов.

Привело ли это к более глубокому пониманию связи институтов и экономики? С одной стороны, несомненно, да. Мы более чётко понимаем круг и диапазон параметров, при которых те или иные институты оказываются устойчивыми, можем не только утверждать, что институты имеют значение, но и судить, насколько большое значение они имеют, и, что особенно важно, отделять корреляции от причинно-следственных связей. С другой — сами эти параметры складываются на более фундаментальном уровне, о котором у нас нет достаточных представлений, чтобы строить прогнозы или давать рекомендации, что особенно остро проявляется при попытках оценить последствия распространения цифровых технологий. Симптоматично, что Аджемоглу и коллеги получили премию за изучение институтов, а не за теорию направленных технологических изменений — ещё одно важное теоретическое достижение.

В этой статье я попытаюсь охарактеризовать развитие исследований, объясняющих формирование институтов и их влияние на экономику, которое произошло со времени присуждения Нобелевской премии Норту и Фогелю. Затем я опишу два фундаментальных вклада Аджемоглу, Джонсона и Робинсона в эту теорию. Наконец, я намечу связь их подхода с теорией направленных технологических изменений и охарактеризую проблемы, с которыми институциональная теория развития сталкивается на современном этапе.

¹ The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2024 // Nobel Foundation. October 14, 2024. Retrieved. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2024/prize-announcement/> (access date: 01.11.2024).

² Разумеется, с институционализмом неразрывно связан О. Уильямсон, получивший премию в 2009 г., как и многие другие нобелиаты, рассматривавшие институты тем или иным образом (например, премия за теорию контрактов 2016 г.).

Институты и экономическое развитие: теоретические достижения за последние тридцать лет

В этом параграфе я попытаюсь охарактеризовать основные достижения в исследовании связи экономического развития и институтов, которые происходили параллельно с творчеством Аджемоглу, Джонсона и Робинсона. Конечно, нельзя надеяться охватить все значимые результаты в рамках одного параграфа, но можно попытаться воссоздать контекст, в котором работали лауреаты.

Хорошей отправной точкой для этой цели представляется книга Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества», опубликованная в 2009 г. [North et al., 2009]. Она написана позже классических статей Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, но наследует методологическому подходу предыдущего поколения, состоящему, главным образом, в классификации и сопоставлении [Bates, 2010; Мальцев, Розинская, 2021]. В книге можно обнаружить все основные сюжеты, характерные для исследований последних десятилетий: институциональные системы разделены на «хорошие» и «плохие» (социальные порядки открытого и закрытого доступа, соответственно), а движение между ними связано с выбором элит, которым нужно стимулировать развитие для ослабления внешней и внутренней конкуренции за контроль над территорией, и в то же время желательно сохранить ренту, извлекаемую из своего положения, которая неизбежно размывается при повышении динамизма экономики и общества. Этот выбор конституирует институциональное равновесие, которое в конечном счёте предопределяет, будут ли страны богаты или бедны в долгосрочной перспективе. Яркая особенность этой работы состоит в том, что Норт и соавторы не пытаются моделировать равновесие в теоретико-игровом смысле, в связи с чем остаётся неясным, кто выступает действующими лицами, из какого множества стратегий и как осуществляется выбор. Читателю остаётся довольствоваться межстрановыми сопоставлениями и специально подобранными историческими примерами.

Большим прогрессом в осмыслении институтов как равновесий стала программа А. Грейфа. Он противопоставляет «гоббсианское» видение институтов, как правил, которое разделял Норт, представлению их в виде теоретико-игровых равновесий [Greif, Kingston, 2011]. Для того, чтобы элита выбирала устройство институциональной системы, исходя только из оптимизационных соображений, она должна была бы обладать безграничным потенциалом к принуждению. Ведь если её решения не означают равновесия, которое могло бы возникнуть при определённых обстоятельствах, каждый находил бы отклонение от предписаний выгодным для себя и вероятным — со стороны других, так что только насилие удержало бы людей от нарушения предписаний. Следовательно, хотя преимущества в осуществлении насилия на стороне элиты могут повлиять на выбор равновесия, само по себе равновесие не может держаться на этом. Так же как и институциональные изменения не могут основываться просто на политической воле, но представляют собой следствие изменения фундаментальных параметров игры [Greif, Laitin, 2004].

Эмпирическая часть работы Грейфа, нашедшая воплощение в знаменитой книге «Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли» [Greif, 2006]³, остаётся написанной во многом в духе Норта, предлагая лишь рефлексию над некоторыми историческими событиями (это не относится к ряду последних работ Грейфа). Однако стремительный прогресс в эмпирических исследованиях институтов стал ещё одной характерной чертой последних десятилетий. Он был связан как с накоплением

³ Русское издание: Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. — Прим. ред.

и обобщением статистических данных, так и с развитием эконометрических, экспериментальных и квази-экспериментальных методов анализа.

Суммируя, можно говорить о следующих достижениях.

1) Многочисленные аргументы в пользу реальной зависимости от пути развития: отдалённые события прошлого влияют на институциональные характеристики современных обществ. Важно не обнаружение эффекта как таковое — его наличие несложно наблюдать практически «невооружённым глазом», — но понимание того, насколько он силён. Так, например, Н. Нанн и соавторы показали, что современные различия в уровне доверия в африканских странах на 12-20% (в зависимости от того, о доверии к чему идёт речь) определяется тем, насколько их население было затронуто трансатлантической работорговлей в прошлом [Nunn, Wantchekon, 2011], а использование предками плуга примерно на 10% объясняют межстрановые различия в участии женщин в рабочей силе [Alesina et al., 2013]. Это не настолько велико, чтобы считать, что страны находятся в ловушке собственной истории, но и не настолько мало, чтобы пренебрегать такими долгосрочными эффектами, тем более, что преодоление их последствий может требовать особых мер.

2) Сбор исторических данных и опора на эконометрические методы, позволившие непосредственно тестировать гипотезы, а не опираться на описания тех или иных исторических событий. Так, например, А. Грейфу и соавторам удалось показать, что начало промышленной революции связано с достижением плотности, с которой крупные города расположены на территории страны, определённого порога [Desmet, Greif, Parente, 2020]. Близость крупных городов приводит к тому, что цеховые ограничения перестают быть равновесием, в результате чего повышается конкуренция, а внедрение новых технологий сталкивается с меньшим числом ограничений.

3) Появление рядов данных, характеризующих политические режимы, что позволило изучать различия между президентскими и парламентскими республиками или электоральными системами в связи с государственными расходами, социальным страхованием, размерами бюрократии, подверженностью переворотам и т.д. [Persson, Tabellini, 2004].

4) Наконец, развитие экспериментальных и квази-экспериментальных методов позволило изучать эффекты конкретных норм, — от связи между легализацией абортов и преступностью [Donohue, Levitt, 2020] до изменений в направлении инвестиций в местную инфраструктуру вследствие введения женщин в деревенские советы [Chattopadhyay, Duflo, 2004].

Даже столь поверхностного обзора достаточно, чтобы видеть — изучение связи институтов и экономического развития с тех пор, как Д. Норт и Р. Фогель получили свою нобелевскую премию, претерпело колоссальные изменения. Оно стало более детализированным, опирающимся на математические модели, с развитым аппаратом эмпирических исследований и приобрело некоторое прикладное значение. Поток исследований в этой области огромен, но именно Аджемоглу, Джонсону и Робинсону удалось стать его символами, чему способствовали как невероятная плодовитость Аджемоглу, так и ряд книг, принесших им широкую популярность, выходящую за рамки профессионального сообщества. Прежде всего это бестселлер «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [Аджемоглу, Робинсон, 2015].

Вклад лауреатов

Если попытаться выделить наиболее фундаментальные работы Аджемоглу, Джонсона и Робинсона среди их обширной библиографии, это опубликованные в 2001 г. «A Theory of Political Transition» [Acemoglu, Robinson, 2001], лёгшая в основу книги «Экономические истоки демократии и диктатуры» [Аджемоглу, Робинсон, 2015], и «The Colonial Origins of

Comparative Development: An Empirical Investigation» [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001]. Благодаря этим работам, авторы оказались практически у истоков тенденций, описанных в предыдущем параграфе. Ниже я охарактеризую вкратце основные положения этих работ и некоторых, написанных в их развитие.

Политический режим как равновесие

В простейшем случае, как, например, в выборе лево- или правостороннего движения, анализ норм как равновесия прост и понятен интуитивно: если все будут двигаться по правой стороне, попытка ехать по левой вряд ли будет успешной, и то же самое верно при выборе правостороннего движения. В случае политических институтов анализ будет более сложным. Во-первых, политические институты действуют длительное время, в течение которого происходят разного рода изменения, которые делают положение тех или иных слоёв населения в рамках действующих институтов более или менее благоприятным. Во-вторых, нужно найти объяснение, почему изменение политических институтов может быть равновесной стратегией: ведь слои населения, находящиеся в относительном выигрыше в условиях действующих институтов, «элиты», всегда могут идти на материальные уступки, одновременно угрожая репрессиями, так что менее благополучным слоям, «народу», будет разумнее отказаться от попыток навязать «элите» выгодные себе институты. Более того, при низком потенциале репрессий уступки могут быть настолько велики, что исход с точки зрения «народа» будет близок к оптимальному даже в отсутствие демократизации, что объясняет успешность и устойчивость тех автократий, в которых неравенство низко. И наоборот, когда народовластие под угрозой, «народ» может делать уступки «элите», так что она откажется от захвата власти.

Идея Аджемоглу и Робинсона состоит в том, что, поскольку условия, в которых взаимодействуют «элита» и «народ» постоянно меняются, их уступки будут не слишком надёжны и со временем их можно будет отыграть назад. Для того, чтобы повысить надёжность, нужно создание соответствующих политических институтов.

Аджемоглу и Робинсон рассматривают последовательную игру, на каждом шаге которой «делают ход» либо «элита», либо «народ», выбирающие какое-то политическое действие, либо «природа», вносящая случайные изменения в параметры игры. В простейшем случае речь идёт о перераспределении путём сбора налога и распределения собранной суммы поровну. «Элите» перераспределение невыгодно, в то время как «народ» предпочитает некоторую ставку (τ_p) (заметим, что эта ставка, скорее всего, не будет равна 1, если перераспределение связано с издержками, поскольку доход медианного избирателя, вероятно, будет близок к среднему).

Сценарий игры выглядит следующим образом.

1) Первой ходит «элита», которая выбирает правило принятия решения: демократическое или недемократическое.

2) Вторым ходит «народ» и либо соглашается с предложенным правилом, либо свергает «элиту». Если «элиту» свергают, то «элита» и «народ» остаются с выигрышами $V_E(R, \mu)$, $V_P(R, \mu)$, соответственно, где R — «революция», μ — коэффициент, определяющий, какая доля богатства сохранится в результате революции и может быть разделена обществом. Чем больше μ , тем больше $V_E(R, \mu)$, $V_P(R, \mu)$. Если «народ» соглашается на предложенное правило принятия решения, то в случае демократического правила происходит голосование, в результате которого назначается налог, за который проголосовало большинство, в этом случае выигрыши «элиты» и «народа» $V_E(D)$, $V_P(D)$, соответственно. В случае недемократического правила налог назначает «элита». «Элита» не обязательно назначит $\tau = 0$, поскольку иначе «народ», вероятно, предпочтёт революцию. Допустим, назначается ставка τ .

3) Свой ход делает «природа». С вероятностью p ничего не происходит и выигрыши «элиты» и «народа» равны $V_E(\tau)$, $V_P(\tau)$, соответственно. С вероятностью $(1 - p)$ у «элиты»

появляется возможность изменить ставку налога, не опасаясь революции. В этом случае выигрыши «элиты» и «народа» равны $V_E(N)$, $V_p(N)$, соответственно.

В такого рода играх следует искать равновесие Нэша, совершённое на «подыграх». Имеется в виду, что на каждом шаге стратегии игроков («элиты» и «народа») должны быть лучшими ответами друг на друга. Такие равновесия находятся рассуждением «с конца». Зная, что в результате хода «природы» «элита» пересмотрит свое решение, «народ» согласится на недемократическое правило принятия решения, если $V_p(R, \mu) < pV_p(\tau) + (1-p)V_p(N)$. Он согласится на демократическое правило, если $V_p(R, \mu) < V_p(D)$. Если в этих неравенствах знак поменяется на противоположный, то революция неизбежна, чтобы ни предприняла «элита» на первом шаге. Если $pV_p(\tau) + (1-p)V_p(N) < V_p(R, \mu) < V_p(D)$, «элите» будет выгодно пойти на демократизацию, если, конечно, $V_E(R, \mu) < V_E(D)$. Наконец, если $V_p(R, \mu) < pV_p(\tau) + (1-p)V_p(N)$ и $V_E(D) < pV_E(\tau) + (1-p)V_E(N)$, «элите» выгодно предлагать недемократическое правило принятия решения.

«Элита» может делать налог сколь угодно большим, дабы избежать и демократизации и революции. Чем выше μ , тем скорее «элита» предпочтёт демократизацию (это произойдёт тогда, когда налог, который следует назначить при недемократическом сценарии, превысит тот, за который, как ожидается, проголосует большинство). Но какой бы налог ни обещала «элита» при недемократическом сценарии, это не спасёт её от революции, если p достаточно близко к нулю, иными словами, если решения «элиты» не заслуживают доверия, поскольку она почти всегда сможет их изменить.

В случае, если установлено демократическое правило принятия решения, стороны меняются местами: «народ» предлагает уступки, в то время как «элита» угрожает переворотом.

Эту модель несложно распространить на бесконечное число шагов, на каждом из которых разыгрывается описанный сценарий, на большее число игроков (к примеру, введя в неё «средний класс»), а также учесть дополнительные мотивы, связанные с разного рода принципами (от защиты прав и свобод до маргинализации определённых групп населения). Однако ключевые выводы можно сделать уже сейчас. Равновесные политические институты оказываются тесно связаны с неравенством, причём эта связь нелинейна. Если неравенство низко, революция не принесет «народу» особых выгод, и недемократические институты могут сохраняться сколь угодно долго. Если неравенство высоко, то демократизация означает для «элиты» слишком большие потери, а уступки, необходимые для сохранения своего положения, слишком значительны. Такие режимы удерживаются путём жёстких репрессий. Демократические институты могут быть равновесными при умеренном неравенстве. При некотором диапазоне параметров (достаточно высоком неравенстве и низком потенциале репрессий) элита может пойти на демократизацию с последующим повторным захватом власти, — в таком случае страна будет колебаться между демократией и диктатурой. Важную роль во всём этом играет способность делать вызывающие доверие уступки, что зависит как от стабильности положения «народа» и «элит», так и от их состава, структуры экономики и господствующей идеологии. К примеру, убеждение в справедливости неравенства может быть гарантией низкого перераспределения в условиях демократии, снижая стимулы к перевороту, а идеология равенства — поддерживать недемократический режим.

Именно неспособность делать вызывающие доверие уступки, а не характер политических институтов сам по себе — основное препятствие для экономического развития. Развитие экономики позволило бы «элите» легче идти на уступки и убеждало бы «народ» в их исполнимости. Но если «элита» уже утратила доверие и не готова на демократизацию, ей остаётся полагаться на репрессии, а в этих условиях накопление богатств за пределами «элиты» представляет дополнительную угрозу, вследствие чего свободное развитие экономики будет подавляться [Acemoglu, Robinson, 2000].

Эмпирическое тестирование гипотез

Ключевая проблема в анализе влияния институтов на экономическое развитие состоит в распутывании причинно-следственных связей. То, что экономическое развитие коррелирует с определённым типом институтов, не доказывает, что экономика развилась в силу того, что были установлены подходящие институты. Возможно, напротив, в развитой экономике «хорошие» институты имели шанс сформироваться и обрести прочность. Или же хорошие институты требуются на определённом уровне развития экономики. На институты и экономическое развитие также могут одновременно влиять третьи факторы — географические или культурные.

Можно привести теоретические аргументы и даже некоторые кейсы в подкрепление любого из этих вариантов. Для выяснения действительного положения дел требуется проведение эмпирического исследования, однозначно указывающего на причинно-следственную связь. Один из важных приёмов — метод инструментальных переменных, состоящий в поиске таких факторов, которые влияли бы на институты, но не затрагивали бы современные показатели развития.

Аджемоглу и соавторы находят такую переменную в колониальном прошлом. Наиболее разительные отличия в политике в отношении колонизированных стран и территорий определялись тем, насколько привлекательными колонии были для проживания в них европейцев, что зависело от климата, прежде всего, наличия болезней, к которым у европейцев не было иммунитета. Те страны, которые были подходящими для проживания, заселялись выходцами из метрополии, те же страны, которые подходящими не были, контролировались за счёт военной силы, в то время как гражданское население не стремилось туда мигрировать. В результате в одни места европейцы привозили вслед за собой такие институты, как защита прав собственности, а в других местах разрушали их или укрепляли те экстрактивные институты, которые сложились до их прихода.

Наличие на колонизируемой территории опасных для жизни колонизаторов заболеваний выступает фактором, который определил черты институтов, создаваемых в колонии и унаследованных при обретении независимости, и в то же время этот фактор не имеет прямого воздействия на современный уровень развития бывших колоний. Аджемоглу, Джонсон и Робинсон оценивают регрессию современных рисков экспроприации собственности на смертность среди поселенцев, а затем, на втором шаге, используют прогнозные значения риска экспроприации собственности как зависимую переменную в регрессии для современного ВВП на душу населения. Как оказалось, современные значения ВВП на душу населения стран, некогда бывших европейскими колониями, может быть довольно хорошо предсказаны на основе риска экспроприации, рассчитанного исходя из смертности колонизаторов. Таким образом, институты оказали влияние на развитие стран, а не наоборот.

Эмпирическая стратегия Аджемоглу, Джонсона и Робинсона оставляет возможность того, что в дело могли вмешаться прочие факторы. Например, европейцы могли вести себя более грабительским образом на уже развитых территориях, а их развитие, в свою очередь, могло коррелировать с наличием опасных для европейцев болезней по каким-то географическим причинам. В другой статье авторы показывают, что если это и имело место, то должно было усилить результат. Действительно, наблюдается положительная корреляция между такими показателями развития территорий, как урбанизация и плотность населения и экстрактивностью колониальных институтов. Но тогда в результате установления экстрактивных институтов страны не просто не развились, но деградировали, в то время как страны с хорошими институтами не просто развивались лучше, но смогли выбраться из отсталости [Acemoglu, Johnson., Robinson, 2002]. Попутно это опровергает географическую гипотезу в объяснении различий между странами. Более того, авторы опровергают и гипотезу, согласно которой экономическое отставание бывших колоний связано с накоплением человеческого капитала — включение институтов в соответствующие регрессии показывает

крайне ограниченное значение этого фактора [Acemoglu, Gallego, Robinson, 2014]. Наконец, можно показать, что именно защита прав собственности оказывается решающим фактором, а не, например, защита контрактов (по-видимому, в силу их адаптивности) [Acemoglu, Johnson, 2005].

Что касается политических институтов, то эмпирические свидетельства подтверждают то, что важна их устойчивость, позволяющая защитить собственность от экспроприации, а не демократичность сама по себе. Включение в регрессию фиксированных эффектов для стран и периодов времени приводит к исчезновению корреляции между среднедушевым доходом и демократичностью институтов; к этому же эффекту приводит включение в регрессию смертности среди европейских поселенцев в колониальную эпоху [Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2008]. Одно из исследований, выполненное в развитие рассматриваемой идеи, показало, впрочем, что, если включить в выборку страны, которые не были колониями, то связь между среднедушевым доходом и демократией возвращается, причём с положительным знаком для не-колоний и отрицательным (!) для бывших колоний [Cervellati et al., 2014]. Однако Аджемоглу с соавторами удалось показать, что если неуспешный политический режим (что проявляется в длительной экономической стагнации) сменяется демократическим, это обеспечивает рост в последующие десятилетия, в то время, как если демократизации не происходит, значимого влияния на развитие это не оказывает [Acemoglu et al., 2019]. Демократический режим оказывается устойчив, если он успешен [Acemoglu et al., 2024], что может объяснить отрицательную связь развития и демократизации в бывших колониях.

Панинституционализм, теория направленных технологических изменений и вызовы институциональной экономики

Аджемоглу и соавторов нередко обвиняют в панинституционализме — стремлении представить всё так, как если бы всё определялось исключительно институтами, характер которых зависит от соотношения сил «народа» и «элиты» [Капелюшников, 2019а; Шаститко, 2019; Бузгалин, Колганов, 2019]. Нужно признать, что они дают к этому повод — особенно в своих популярных книгах. Однако дело не в том, что из вида упущены какие-то важные факторы. Скорее, проблема в том, что исследование связи институтов и экономического развития сконцентрировано на макроуровне, причём в достаточно долгой перспективе. «Элита» и «народ» представлены как макросектора, а как они образованы, что обеспечивает их единство и отношение сил, не детализируется, как не детализируются отдельные институциональные элементы, складывающиеся рутины и т.д. Но более важно то, что сами возможности прогресса при таком подходе формируются на ином уровне, так что «элита» и «народ» заняты лишь дележом его выгод, и если они не смогут осуществить делёж без репрессий и революций, то не смогут воспользоваться его плодами в полной мере. Поэтому важная составная часть мировоззрения Аджемоглу и соавторов в том, как они представляют экономический рост.

Значительное достижение Аджемоглу в теории экономического роста — теория направленных технологических изменений. Он отказывается от стандартного предположения, что технический прогресс трудоориентирован (что никогда не было теоретически обосновано, а лишь хорошо объясняло данные) и заменяет производственную функцию Кобба–Дугласа CES-функцией в общем виде. Основной вывод состоит в том, что разработчикам технологий выгодно развивать технологии, направленные на повышение производительности того фактора производства, который находится в избытке, которым с некоторого момента должен стать капитал [Acemoglu, 1998; Acemoglu, 2002].

Даже в условиях трудоориентированных технологий плоды прогресса могут не доставаться работникам, поскольку они могут быть принуждаемы к труду. Но в условиях капиталоориентированного прогресса они и вовсе начинают вытесняться из производства. Хотя это будет вести к тому, что новые задачи будет выгодно поручать подешевевшему труду, нет никакой гарантии, что этот эффект окажется сильнее [Acemoglu, Restrepo, 2018]. Но раз технологии направляются стимулами к их разработке, эти стимулы можно создать искусственно, принуждать разрабатывать только трудоориентированные технологии или требовать, чтобы всякая автоматизация сопровождалась достаточным количеством новых задач для труда. Да и новые технологии можно использовать по-разному. Как следствие, сам прогресс становится вопросом своего рода дележа!

И вновь мы видим ту же проблему. Задаётся макросектор, разрабатывающий технологии в том или ином направлении, их появление и включение в производство считается данностью. Если такой подход допустим для объяснения некоторых макроэкономических эффектов, то вряд ли он может служить достаточным объяснением самого прогресса. Более того, как показывает нынешний виток цифровизации, мы даже не знаем до конца, какие плоды он может принести. Возможно, сама эта неопределённость создаёт политическую нестабильность в современном мире, поскольку подрывает надёжность сделанных ранее уступок. Но почему тогда правительства ему не противодействуют?

Исходя из сказанного, можно наметить несколько вызовов, стоящих перед исследованием связи институтов и экономического развития. Первый и самый главный состоит в том, чтобы сделать шаг в сторону микроуровня и более краткосрочной перспективы. Существует много исследований,двигающихся в этом направлении, сам Аджемоглу проводит интересный анализ устойчивости властной коалиции в условиях недемократических институтов с иллюстрацией на примере сталинского Политбюро [Acemoglu, Egorov, Sonin⁴, 2008], но пока сложно говорить о том, что связь институтов и развития получила удовлетворительное микрооснование.

Второй вывод состоит в необходимости формализации связи институтов и процесса изобретения и инноваций. Эта тема не нова, но до сих пор лишена хороших тестируемых моделей. Только понимание более фундаментальных процессов может изменить наш взгляд. Без этого рекомендации, вытекающие из институционального анализа, остаются крайне неопределёнными. Сами Аджемоглу с соавторами делают противоречивые утверждения. В книге «Власть и прогресс» проводится мысль, что цифровизация уничтожает рабочие места и потому требует большего государственного вмешательства [Acemoglu, Johnson, 2023], в то время как их эмпирические работы, как минимум, неоднозначны: прямое воздействие автоматизации, несомненно, отрицательно для низкоквалифицированного труда [Acemoglu, Restrepo, 2022], однако влияние инвестиций в ИТ будет положительным [Acemoglu, Restrepo, 2020], а проникновение искусственного интеллекта не оказывает определённого влияния на занятость и заработные платы [Acemoglu et al., 2022].

В-третьих, многие исследователи в качестве недостатка работ Аджемоглу, Джонсона и Робинсона отмечают отсутствие в них роли идей [Капелюшников, 2019а, Капелюшников, 2019б; Бакеев, 2020; Заостровцев, 2022; McCloskey, 2023]. Проблема в том, что остановка на макроуровне не позволит получить нетривиальные выводы, выходящие за рамки утверждений, что идеи могут заставить «народ» и «элику» отклониться от непосредственных стимулов (в частности, в ожидании благ прогресса) или служить дополнительной гарантией уступок. Сами Аджемоглу и Робинсон пытаются инициировать исследовательскую программу, согласно которой культурные атрибуты, в том числе идеи, приобретают то или иное звучание в зависимости от политических институтов, а не наоборот [Acemoglu, Robinson, 2021, Acemoglu, Robinson, 2022]. Однако хорошая модель «рынка идей», которая позволила бы получать прозрачные и тестируемые выводы, исходя из микроуровня, отсутствует.

⁴ Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Наконец, остановка анализа на макроуровне и длительной перспективе препятствует изучению процесса перехода из одного институционального равновесия в другое. Такое изучение было бы желательным, поскольку анализ Аджемоглу, Джонсона и Робинсона в конечном счёте упирается в успешность политического режима, на которую может влиять процесс его образования. Однако и здесь отсутствие хорошей теории определения траектории институциональных преобразований ведёт лишь к констатации, что «элиты», проводя преобразования, ориентируются на доминирующие идеологические установки [Полтерович, 2017; Волинский, 2020], а шансы на успех реформ равносильны вероятности случайного попадания в крайне «узкий коридор».

Заключение

Присуждение Нобелевской премии Аджемоглу и его многолетним соавторам Джонсону и Робинсону, пожалуй, самое ожидаемое решение нобелевского комитета за последние годы. Огромное количество работ в ведущих мировых научных журналах и многолетнее нахождение среди самых цитируемых экономистов мира, известность среди широкой публики и удачное время их вхождения в предметное поле, когда многие идеи институциональных экономистов и историков экономики предыдущего поколения ожидали своей формализации и тестирования, сделали их награждение вопросом времени.

Тем не менее чтение их работ рождает искушение упрощённой трактовки связи институтов и развития: будто бы лишь относительные силы «народа» и «элит» определяют, будет ли развитие устойчивым, а процветание всеобщим. Разумеется, анализ их академических работ рисует более сложную картину. Критика лауреатов за панинституционализм не лишена оснований, однако причина состоит не в пренебрежении важными факторами развития, а ориентации институционального анализа развития на макроуровень и долгосрочную перспективу. Преодоление этой ориентации и поиск надёжных микрооснований представляет, на мой взгляд, основной вызов для институциональной теории на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты* [Robinson J.A., Acemoglu D. (2015). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*]. — М.: АСТ.
- Асемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). *Экономические истоки диктатуры и демократии* [Acemoglu D., Robinson J.A. (2015). *Economic origins of dictatorship and democracy*]. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ.
- Бакеев М.Б. (2020). Институциональное и культурное направления в экономике развития: предпосылки относительно мотивации агентов как источник разногласий [Bakeev M. (2020). Institutional and cultural research directions in development economics: Assumptions on agent motivation as a source of disagreement] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2. С. 139–156. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-7.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019). Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of “pan-institutionalism” and “ideational” approach] // *Вопросы экономики*. №10. С. 99–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-10-99-114.
- Волинский А.И. (2020). Панинституционализм и институциональная теория реформ [Volynskii A. (2020). Pan-Institutionalism and Economic Reforms] // *Вопросы теоретической экономики*. №. 1. С. 21–30. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10102.
- Заостровцев А.П. (2022). В поисках «оков для Левиафана» (о книге Дарина Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор») [Zaostrovtssev A. (2022). In Search of «Shackles for Leviathan» (About the Book by Daron Acemoglu and James Robinson «Narrow Corridor»)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 186–193. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_186_193.
- Капелюшников Р.И. (2019а). Contra панинституционализм. Часть I. [Kapeliushnikov, R. I. (2019a). Contra pan-institutionalism. Part I] // *Вопросы экономики*. № 7. С. 119–146. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-119-146.

- Капелюшников Р.И. (2019б) Contra панинституционализм. Часть II. [Kapeliushnikov R. I. (2019b). Contra pan-institutionalism. Part II] // *Вопросы экономики*. № 8. С. 98–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-98-126.
- Мальцев А.А., Розинская Н.А. (2021). Теория без измерений, или Некоторые штрихи к творческому портрету Дугласа Норта [Maltsev A.A., Rozinskaya N.A. (2021). Theory without measurement or some finishing touches on the creative portrait of Douglass North] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 13. No. 4. С. 71–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.071-090.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии [Polterovich V.M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 55–65.
- Самуэльсон П. (2016). О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта [Samuelson P.A., Barnett W.A. (2007). Inside the economist's mind: conversations with eminent economists]. — М.: Альпина Бизнес Букс.
- Шаститко А.Е. (2019). «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» [Shastitko A.E. (2019). «Institutions do matter» vs. «only (formal) institutions matter»] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 90–110. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-90-110.
- Acemoglu D. (1998). Why do new technologies complement skills? Directed technical change and wage inequality // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 113. Iss. 4. Pp. 1055–1089. DOI: 10.1162/003355398555838.
- Acemoglu D. (2002). Directed technical change // *The Review of Economic Studies*. Vol. 69. Iss. 4. Pp. 781–809. DOI: 10.1111/1467-937X.00226.
- Acemoglu D., Ajzenman N., Aksoy C.G., Fiszbein M., Molina C. (2024). (Successful) democracies breed their own support // *The Review of Economic Studies*. rdae051. DOI: 10.1093/restud/rdae051.
- Acemoglu D., Autor D., Hazell J., Restrepo P. (2022). Artificial intelligence and jobs: Evidence from online vacancies // *Journal of Labor Economics*. Vol. 40. Iss. 1. Pp. 293–340. DOI: 10.1086/718327.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.⁵ (2008). Coalition formation in non-democracies // *The Review of Economic Studies*. Vol. 75. Iss.4. Pp. 987–1009. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2008.00503.x.
- Acemoglu D., Gallego F.A., Robinson J.A. (2014). Institutions, human capital, and development // *Annual Review of Economics*. Vol. 6. Iss. 1. Pp. 875–912. DOI: 10.1146/annurev-economics-080213-041119.
- Acemoglu D., Johnson S. (2005). Unbundling institutions // *Journal of Political Economy*. Vol. 113. Iss. 5. Pp. 949–995. DOI: 10.1086/432166.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity*. — London: Hachette UK.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // *American Economic Review*. Vol. 91. Iss. 5. Pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. (2002). Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. Iss. 4. Pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. (2008). Income and democracy // *American Economic Review*. Vol. 98. Iss. 3. Pp. 808–842. DOI: 10.1257/aer.98.3.808.
- Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J.A. (2019). Democracy does cause growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 127. Iss. 1. Pp. 47–100. DOI: 10.1086/700936.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2018). The race between man and machine: Implications of technology for growth, factor shares, and employment // *American Economic Review*. Vol. 108. Iss. 6. Pp. 1488–1542. DOI: 10.1257/aer.20160696.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets // *Journal of Political Economy*. Vol. 128. Iss. 6. Pp. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2022). Tasks, automation, and the rise in US wage inequality // *Econometrica*. Vol. 90. Iss. 5. Pp. 1973–2016. DOI: 10.3982/ECTA19815.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2000). Political losers as a barrier to economic development // *American Economic Review*. Vol. 90. Iss. 2. Pp. 126–130. DOI: 10.1257/aer.90.2.126.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2001). A theory of political transitions // *American Economic Review*. Vol. 91. Iss. 4. Pp. 938–963. DOI: 10.1257/aer.91.4.938.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2021). Culture, institutions and social equilibria: A framework // *National Bureau of Economic Research*. No. W28832. DOI: 10.3386/w28832.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2022). Non-modernization: Power–culture trajectories and the dynamics of political institutions // *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. Iss. 1. Pp. 323–339. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051120-103913.
- Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 128. Iss. 2. Pp 469–530. DOI: 10.1093/qje/qjt005.

⁵ Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

- Bates R. (2010). A Review of Douglass C. North, John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast's *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* // *Journal of Economic Literature*. Vol. 48. No. 3 (September). Pp. 752–756. DOI: 10.1257/jel.48.3.752.
- Chattopadhyay R., Duflo E. (2004). Women as policy makers: Evidence from a randomized policy experiment in India // *Econometrica*. Vol. 72. Iss. 5. Pp. 1409–1443. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2004.00539.x.
- Cervellati M., Jung F., Sunde U., Vischer T. (2014). Income and Democracy: Comment // *American Economic Review*. Vol. 104. Iss. 2. Pp. 707–719. DOI: 10.1257/aer.104.2.707.
- Desmet K., Greif A., Parente S. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: the Industrial Revolution and the Great Divergence // *Journal of Economic Growth*. Vol. 25. Pp. 1–35. DOI: 10.3386/w24727.
- Donohue J., Levitt S. (2020). The impact of legalized abortion on crime over the last two decades // *American Law and Economics Review*. Vol. 22. Iss. 2. Pp. 241–302. DOI: 10.1093/aler/ahaa008.
- Greif A. (2006). *Institutions and the path to the modern economy: lessons from medieval trade*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Greif A., Kingston C. (2011). Institutions: rules or equilibria? // *Political Economy of Institutions, Democracy and Voting*. — Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. Pp. 13–43. DOI: 10.1007/978-3-642-19519-8_2.
- Greif A., Laitin D. (2004). A theory of endogenous institutional change // *American Political Science Review*. Vol. 98. Iss. 4. Pp. 633–652. DOI: 10.1017/S0003055404041395.
- McCloskey D. (2023). The statist neo-institutionalism of Acemoglu and Robinson // *Journal of Public Finance and Public Choice*. Vol. 38. Iss. 2. Pp. 175–204. DOI: 10.1332/251569121X16197097662211.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Nunn N., Wantchekon L. (2011). The slave trade and the origins of mistrust in Africa // *American Economic Review*. Vol. 101. Iss. 7. Pp. 3221–3252. DOI: 10.1257/aer.101.7.3221.
- Persson T., Tabellini G. (2004). Constitutions and economic policy // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 75–98. DOI: 10.1257/089533004773563449.

Винокуров Степан Степанович

stepan_vinokurov@mail.ru

Stepan Vinokurov

Cand. Econ. Sci., St.-Petersburg State University of Economics

stepan_vinokurov@mail.ru

NOBEL PRIZE IN ECONOMICS 2024 AND PROSPECTS FOR INSTITUTIONAL ECONOMICS

Abstract. The 2024 Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel was awarded to D. Acemoglu, S. Johnson and J. Robinson, and was the first prize since 1993 to include a mention of institutions in its rationale. The article discusses the development of research on the relationship between institutions and economic development over the past decades, the contributions of the laureates, the connection with Acemoglu's theory of directed technological change, and the problems and further prospects of the institutional theory of economic development. The main progress has been related to the application of game theory to the analysis of institutions, as well as the use of econometric and other methods to test theoretical hypotheses. As a result, significant changes have occurred in the direction of greater formalization and rigor of institutional analysis. Acemoglu, Johnson, and Robinson have become emblematic of these changes, and a number of their works can be called classic in this regard. Among other things, they proposed a game-theoretic model of the formation and change of political institutions and used the instrumental variables method to demonstrate that institutions cause development, and not vice versa. Acemoglu and his co-authors are often accused of neglecting culture, ideology, the process of creating and disseminating inventions, and of trying to present institutions as the only factor determining all aspects of economic development. Although an analysis of their work paints a more complex picture, this criticism is not unfounded. I show that the theory of directed technological change leads to the conclusion that progress can and should be directed in a direction that is beneficial to society. This means that it depends only on political institutions whether this can be done. The reason for this view lies in the general orientation of institutional development theory to macro-level processes and the long-term perspective. The main challenge facing this line of research is to overcome this attitude and to search for the microfoundations of institutional dynamics and their connection with technological progress.

Keywords: *institutions, economic development, political regimes, directed technological change, Acemoglu, Nobel Prize.*

JEL: B15, D02, O43.